

АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЖАНРА БЫЛИЧКИ В РОМАНТИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ О. М. СОМОВА

Д. Ф. Денисова

*Аспирант кафедры филологии, коммуникации и русского языка как иностранного,
Псковский государственный университет,
пл. Ленина, дом 2, 180000, г. Псков, Россия,
denisova.df@gmail.com*

Статья посвящена анализу особенностей художественного освоения жанра былички в повестях О. М. Сомова. На примере повести «Русалка» (1829) анализируются принципы работы писателя с фольклорным материалом в русле решаемой прозой этого времени задачи поиска художественных форм «народной» идентичности. О. М. Сомов полемизирует с традицией стереотипного изображения русалок как морских волшебниц, тиражируемой популярными оперными постановками. Стремясь к этнографической точности в изображении персонажей былички, писатель одновременно наполняет ситуации народных суеверных рассказов авторским содержанием, что позволяет воспринимать фольклорные повести О. Сомова как заметное и самоценное явление в истории русской романтической прозы.

Ключевые слова: литература и фольклор; «народность»; романтическая повесть; жанр былички; народная демонология; русалка.

АЎТАРСКАЯ РЭФЛЕКСІЯ ЖАНРУ БЫЛІЧКІ Ў РАМАНТЫЧНЫХ АПОВЕСЦЯХ А. М. СОМАВА

Д. Ф. Дзянісава

*Аспірант кафедры філалогіі, камунікацыі і рускай мовы як замежнай,
Пскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт,
пл. Леніна, дом 2, 180000, г. Пскоў, Расія,
denisova.df@gmail.com*

Артыкул прысвечаны аналізу асаблівасцей мастацкага асваення жанру былічкі ў аповесцях А. М. Сомова. На прыкладзе аповесці «Русалка» (1829) аналізуюцца прынцыпы працы пісьменніка з фальклорным матэрыялам у рэчышчы вырашаемай прозай гэтага часу задачы пошуку мастацкіх формаў «народнай» ідэнтычнасці. Сомоў палемізуе з традыцыйнай стэрэатыпнай выявы русалак як марскіх чараўніц, якая тыражуецца папулярнымі опернымі пастаноўкамі. Імкнучыся да этнаграфічнай дакладнасці ў малюнку персанажаў былічкі, пісьменнік адначасова напаўняе сітуацыі народных забабонных апавяданняў аўтарскім зместам, што дазваляе ўспрымаць фальклорныя аповесці А. Сомова як прыкметную і самакаштоўную з'яву ў гісторыі рускай рамантычнай прозы.

Ключавыя словы: літаратура і фальклор; «народнасць»; рамантычная аповесць; жанр былічкі; народная дэманалогія; русалка.

AUTHOR'S REFLECTION OF FOLCLORIC ACCOUNT (BYLICHKA) IN ROMANTIC TALES OF OREST SOMOV

D. F. Denisova

*Postgraduate student of the Department of Philology,
Communication and Russian as a Foreign Language,
Pskov State University,
Lenin sq., build. 2, 180000, Pskov, Russia,
denisova.df@gmail.com*

The article presents the analysis of the literary interpretation of folkloric accounts in Orest Somov tales. Using «The Water Spirit» («Rusalka», 1829) as the example, the article defines the ways the writer relied on to incorporate folk elements into his fiction as he was engaged with addressing the major challenge of conceptualising of the Russian national identity (narodnost). Somov distinguishes his method from the «fairy» tradition of portraying the water spirit used, along with romantic fiction, by the theatrical oeuvre. Following the ethnographic authenticity in conveying folkloric types, at the same time the author shapes the folklore plots in an individual artistic way. The originality of Somov's manner contributes to his achievements as the author of the popular romantic tales.

Keywords: literature and folklore; national identity («narodnost»); romantic tale; folkloric account (bylichka); mythological demons; water spirit.

Интерес к личности и творчеству Ореста Михайловича Сомова, профессионального литератора, близкого пушкинскому окружению, остается стабильно высоким среди филологов в последние два десятилетия, в частности, в связи с неослабевающей тенденцией к изучению мифопоэтики русской литературы [2, с. 244].

Действительно, О. Сомов внес заметный вклад в формирование русской прозы 20–30-х гг. XIX века – того периода ее развития, который был ознаменован активным сближением литературы с фольклором и традициями народной культуры. В эти годы происходит формирование нового художественного метода – романтического – и О. М. Сомов в своей статье 1823 г. «О романтической поэзии» активно включается в литературную полемику о его роли и назначении. Заданная им рамка рассуждений будет подхвачена другими и очень скоро разовьется в ключевой для эпохи дискурс о соотношении «дворцового романтизма» и «народности словесности» [10, с. 110 – 111].

От теоретического обоснования концепции «народной», «неподражательной и независимой от преданий чуждых» [8, с. 102] литературы, способной продуцировать национальные смыслы, О. Сомов переходит к последовательным попыткам ее практической реализации в собственном литературном творчестве. С 1826 по 1833 гг. он создает ряд повестей, за-

думанных, вероятно, как своего рода цикл украинских «былей и небылиц», среди которых «Юродивый», «Русалка», «Сказки о кладях», «Купалов вечер», «Бродящий огонь», «Киевские ведьмы», «Недобрый глаз». К этому корпусу текстов примыкают, с точки зрения сходных принципов поэтики, повести на материале русской народной мифологии – «Оборотень» (1829) и «Кикимора» (1830). В литературоведческих исследованиях, посвященных жанровой типологии романтической повести, эти произведения атрибутируются как фольклорно-фантастические повести на основании их принципиальной связи с миром фольклорной фантастики [11, с. 35]. Действительно, подавляющее большинство повестей цикла объединено тематикой народных фантастических рассказов, а именно – быличек. Соответственно, в объекте художественной рефлексии писателя оказывались устойчивые персонажи, мотивы и сюжетные ситуации былички, отражающие народные демонологические представления, и в первую очередь сам «быличковый» конфликт.

Как известно, жанровым ядром былички является «факт» встречи человека с фантастическим существом или с проявлением его действий, соответственно ее конфликт основывается обычно на нарушении человеком тех или иных запретов, норм и правил поведения, которым надлежит следовать в подобных обстоятельствах [7, с. 268]. Однако, если в фольклорном бытовании былички «практическая» направленность жанра превалирует над его «эстетическими» достоинствами, – как известно, быличка имеет своей целью предупредить человека о свойствах «нечистых» существ и научить, как вести себя при встрече с ними [7, с. 277], – то О. Сомов улавливает «художественный» потенциал жанра былички, его способность выразить сущностные глубины человеческого бытия.

Творческая интуиция писателя подтверждается и современными этнографическими исследованиями, предполагающими связь былички с древним архетипом, сформировавшемся в недрах ритуализированного повествования о тотемном предке [3, с. 7]. Именно подобная укорененность былички в лоне ритуальной традиции способствовала тому, что в процессе становления этот жанр аккумулировал в себе весь комплекс народно-философских представлений о мироустройстве и месте человека в мироздании, о судьбе, предопределении, роке и жизненном цикле [3, с. 11].

Художественно осваивая жанровые особенности былички, О. Сомов одновременно стремится к этнографической точности, снабжая повести подробными авторскими комментариями. Во многом именно опора на собственно фольклорные источники, не опосредованные книжной традицией, является той линией размежевания, по которой О. Сомов стремится дистанцироваться от существующей романтической традиции

освоения фольклорных образов. В этом смысле примечательно полемическое выступление О. Сомова по поводу баллады В. Жуковского «Рыбак» (1821): «Где вы нашли <...>, что русалки были водяные нимфы, неужели в опере «Днепровская русалка»? [6, с. 202] В собственной трактовке этого мифологического персонажа в повести «Русалка» (1829) О. Сомов полемизирует с тенденцией к условно-декоративному и несколько стереотипному изображению русалки как водной волшебницы, проникающей в русскую литературу из западно-европейской традиции, а также популярных оперных постановок начала века, прозревая глубину и многосложность русалочьего образа, и предлагает новые подходы к его художественному воплощению.

Причем внешне писатель словно бы не отступает от общепринятой модели «чувствительного» сюжета, характерной для русской прозы начала XIX века и восходящей к «Бедной Лизе» Н. Карамзина (1792): в «Русалке» О. Сомова предстает трагическая история любви бедной крестьянской девушки Горпинки к богатому поляку Каземиру Чепке. Оставленная возлюбленным, она по совету старушек-соседок идет за помощью к старому колдуну и исчезает. Как становится ясным из содержания повести, Горпинка утопилась в Днепре.

Однако, наделяя героиню свойствами персонажа народной демонологии, О. Сомов выстраивал собственное повествование на усвоение фольклорно-этнографической традиции «русалии», сообщающей ему свои вековые смыслы и, соответственно, присущую ей метафизическую глубину. Так, в полном соответствии с собственным призывом к фольклорно-этнографической достоверности, О. Сомов весьма точно передает народные поверья о русалках: происхождение из числа молодых утопленниц /удавленниц; облик молодых девушек в белых одеждах и в зеленых венках; сезонность их появления на земле, ограниченная троичным периодом, и пребывание в реке в остальное время года; характерные функции – щекотать людей, затягивать их в воду, проводить троичный период на земле в танцах и хороводах, а также качаясь на деревьях.

При этом смысловой доминантой текста и объектом художественной рефлексии автор делает запечатленное в быличках представление о возвращении русалки на землю на «зеленой» неделе, связанное с неуспокоенностью души русалки. Исследователи традиционной культуры объясняют такую неуспокоенность рудиментами древней поминальной обрядности, в частности, культом так называемых «заложных покойников» (то есть умерших «до срока» или в результате насильственной смерти) [9, с. 231]. В примечаниях к повести автор следующим образом комментирует собственную позицию: «Простой народ в Малороссии думает, что русалки суть утопленницы и удавленницы, произвольно лишившие себя жизни» [9, с. 143].

Манистическая, иначе, связанная с душами умерших, семантика русалок является для О. Сомова принципиальной в свете авторской рефлексии мотива мщения, в свою очередь делающего возможной постановку ряда проблем, бытийных по своей сущности: греха, души, возмездия – с их последующим осмыслением в повести.

Сюжетная коллизия повести – обманутая и покинутая своим возлюбленным героиня бросается в реку и становится русалкой – осмысляется в повести с нескольких позиций.

Так, носителем традиционно-ортодоксальной христианской позиции выступает мать героини, старая Фенна. Изначально воспринимая влюбленность Горпинки как нарушение норм («Кто знает, что на душе у иноверца, у католика?») [9, с. 138], мучаясь от понимания того, что дочь стала русалкой, и вдобавок страдая от осознания собственной греховности (обращается за помощью к колдуну в надежде вернуть дочь), старая женщина принимает обет послушания, дабы в непрерывных молитвах оплакивать «несчастную дочь свою» [9, с. 143].

Вместе с тем в повести можно найти отсылки и к другому коду, который обозначается как «народно-православный», то есть образованный контаминацией двух вер, сложившейся в народном сознании, когда старые языческие верования приспособлялись к христианскому мировоззрению. Так, в народном православии известен мотив оправдания ухода из жизни в том случае, если он оказывается единственным спасением того высшего, что есть в человеке – носителе идеала [4, с. 20]. И Горпинка во многом представляет собой подобный идеал, который, в свою очередь, как бы регламентирует ее поведение и таким образом закономерно предрешает драматическую судьбу героини.

Не случайно при создании характера Горпинки писатель обращается к поэтике величальных песен, отразивших народный идеал физической и нравственной красоты человека (автор использует устойчивые украшающие эпитеты и сравнения). Подобной фольклоризации подвергается и история любви героев: автор развивает ее в содержательно-эмоциональной тональности жанра народной лирической песни, передавая состояние героини в ключе психологической нюансировки, характерной для песни. При этом, как и в песне, за исходное берется утрата полюбившейся Горпинкой былой беззаботности: «<...> не поет она больше как вешняя птичка и не прыгает как молодая козочка», стала «томной и задумчивой» [9, с. 137]. И далее используемый автором один из основополагающих в арсенале поэтических средств жанра лирической песни прием отрицательного параллелизма («Не дурной ли ветер подул на нее, не злой ли глаз поглядел, не колдуны ли обошли?») [9, с. 137] призван художественно акцентировать спектр душевных движений влюбленной Горпинки.

На фоне коннотированной народной нравственной традицией модели поведения героини-крестьянки рельефнее проступают причины предательства Горпинки Каземиром Чепкой, закономерно обусловленные его выпадением из этой традиции. Не случайно он предстает в повести не только иноземцем (поляком), но и иноверцем (этноконфессиональным чужаком).

Возвращаясь к народно-православному коду, заметим, что мотивы успокоения, отдохновения, душевной легкости, отчетливо звучащие в словах Горпинки, описывающей свое русалочье пребывание на речном дне, во многом перекликаются с народно-религиозными представлениями о великой способности природы даровать успокоение уставшей от земных страданий человеческой душе.

Наконец, собственно фольклорно-мифологический извод сюжета о русалке выстраивается автором на основе распространенного в быличках мотива о возвращении русалки на «зеленой» неделе, актуализирующего мотив мстящей души. Однако здесь следует заметить, что известная в фольклоре ситуация отмщения демонического существа своему противнику [5, с. 65] не имеет непосредственного отношения к культу «заложных покойников». Страх человека перед вредительством «заложных» был связан с неуспокоенностью души последних, с их стремлением вернуться из «того мира», чтобы отбыть на земле положенный им при жизни срок, но не с возможностью мести конкретному обидчику [1, с. 248]. Для О. Сомова же месть Горпинки обманувшему ее Каземиру Чепке оказывается принципиальной и в этом смысле может быть расценена как вмешательство неких надчеловеческих сил, действующих сообразно законам «высшей справедливости». Подобно гоголевской панночке, терзающейся и после смерти, сомовская Горпинка также не может смириться с осознанием того, что где-то на земле по-прежнему живет и упивается своим благополучием «ловкий молодой человек», «душа всех веселых обществ» [9, с. 143]. Соответственно, смерть Каземира в финале повести, кажущаяся не мотивированной с точки зрения обыденной логики («Никакой раны, никакого знака насильственной смерти не заметно было на теле» [9, с. 143], является вполне закономерной с точки зрения «народного» сознания, безошибочно угадывающего внутренние «пружины» совершившегося возмездия («Врачи толковали то и другое; но народ объяснял дело гораздо проще: он говорил, что покойника русалки защекотали» [9, с. 143]). Именно мысль о неизбежной каре человека, осмелившегося нарушить нравственный закон, является определяющей и в финале повести О. Сомова.

В последующих «фольклорных» повестях («Оборотень», «Кикимора», «Сказки о кладях», «Киевские ведьмы», «Недобрый глаз») О. Сомов

продолжит следовать принципу углубления художественного содержания текста посредством обращения к фольклорной традиции. При этом вариативность авторских моделей литературно-фольклорного взаимодействия свидетельствует об экспериментальном подходе писателя к освоению фольклорного материала и оригинальности его художественных решений в контексте общей линии развития романтической повести 20–30-х гг. XIX века.

Библиографические ссылки

1. *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994.
2. *Козубовская Г. П.* Русская литература и поэтика зримого: монография. Барнаул : АлтГПУ, 2021.
3. *Криничная Н. А.* Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004.
4. *Лебедев Ю. В.* О финале «Грозы» А. Н. Островского // Литература в школе. 2005. № 5. С. 19–21.
5. *Неклюдов С. Ю.* Душа убиваемая и мстящая // Труды по знаковым системам, VII. Ученые записки Тартус. гос. университета, 365 вып., Тарту: Издательство Тартуского университета, 1975. С. 65–75.
6. *Немзер А. С.* Рыцари, Русалки, Поэты // Свой подвиг свершив... : О судьбе произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского. Москва : Книга, 1987. С. 191–230.
7. *Померанцева Э. В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968. С. 274–293.
8. *Сомов О. М.* О романтической поэзии. Опыт в трех статьях. СПб.: Типография Императорского воспитательного дома, 1823.
9. *Сомов О. М.* Были и небылицы. М.: Советская Россия, 1984.
10. *Тиманова О. И.* Русская литературная сказка второй половины XVIII – первой половины XIX века: становление жанра. СПб.: Наука, САГА, 2007.
11. *Чебанюк Т. А.* Фантастическая повесть в историко-литературном процессе 20-х-начала 40-х годов XIX века: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1979.